

ФРАНЦУЗСКИЙ ВЗГЛЯД НА ВОСПРИЯТИЕ РОССИЙСКИМ ОБЩЕСТВОМ БУДУЩЕЙ ИНТЕРВЕНЦИИ ЛЕТОМ 1918 г.

Весной и в начале лета 1918 г. страны Антанты активно обсуждали вопрос о возможной военной интервенции в России, направленной как против Германии, так и против правительства большевиков. Представление о том, как различные небольшевистские российские политические группировки воспримут интервенцию, оказывало определенное влияние на принятие решений. В работе предпринята попытка ответить на вопрос на основе чего формировалось это представление и в чем оно могло состоять.

Ключевые слова: Иностранная интервенция; «русская» политика Франции; Гражданская война в России.

Возможность организации военной интервенции в России обсуждалась странами Антанты еще с конца 1917 г. До конца весны 1918 г. еще сохранялись некоторые надежды на то, что советское правительство согласится принять помощь союзников, но постепенно становилось понятно, что интервенция будет осуществляться не только без согласия большевиков, но и против них. В этих условиях союзникам необходимо было понять, какова расстановка политических сил в России — с кем в России они могли бы сотрудничать, и кто мог создать проблемы. То есть, готовясь к реализации планов интервенции, требовалось выяснить, как к ней отнесутся различные небольшевистские российские политические и военные группировки. Нельзя сказать, что этот вопрос имел первостепенное значение при принятии решения об интервенции, но ответ на него играл определенную роль при определении того, в каком виде и под какими лозунгами интервенция будет осуществляться.

Франция была одним из наиболее последовательных сторонников интервенции. В подготовленном французской секцией Верховного военного совета Антанты меморандуме о будущей интервенции, датированном 2 июня 1918 г., говорилось о необходимости не только придать общесоюзный характер интервенции, предпринимаемой для оказания России помощи в восстановлении поряд-

ка, но и привлечь к участию в общем деле «русские элементы» и превратить его таким образом в национальное общероссийское предприятие. В том же документе содержалось утверждение, что большинство русских, принадлежавших к различным политическим партиям, а также русские, проживающие в странах Антанты, просят союзников вмешаться [Service historique de la défense (SHD) / Département de l'armée de terre (DAT). 4 N 41]. В коллективной ноте военных представителей от 3 июня 1918 г., ставшей основой решения Верховного военного совета, обосновывая необходимость занятия союзными войсками Мурманска и Архангельска, среди прочего авторы документа отмечали, что об этом просят как представители стран Антанты в России, так и «большинство русских партий» [SHD/DAT. 4 N 6]. Анализируя содержание этого документа, известный российский исследователь В. И. Голдин назвал ссылку на мнение русских партий «голословной» [1, с. 355]. Действительно, в сложившейся в то время в России ситуации, довольно трудно было получить полную и достоверную информацию о настроениях, царивших в рядах различных российских политических партий и групп.

На чем же основывались представления, отраженные в упомянутых документах? На этот вопрос может помочь ответить анализ документов, отложившихся в соответствующих фондах дипломатического и военного архивов Франции. Судя по всему, весной и летом 1918 г. сотрудники МИД Франции предпринимали попытки выяснить, как отнесутся к интервенции самые разные российские политические деятели и партии. Со стороны самих этих партий также существовало стремление донести свое мнение до французского правительства. Легче всего это было сделать тем, кто уже находился за границей. В начале июня к председателю совета министров Ж. Клемансо через министра иностранных дел С. Пишона обратились с совместным письмом сразу две русских организации — Союз (Лига) русских, верных Родине и союзам и Союз (Лига) возрождения России в единении с союзниками, созданные во Франции и Италии российскими дипломатами, не признавшими правительство большевиков. От имени этих организаций письмо подписали бывший посол России во Франции

А. П. Извольский, посланник в Бельгии Д. А. Нелидов, известный политический деятель М. А. Стахович, супруга посланника в Греции С. И. Демидова, посланник в Швейцарии И. Н. Ефремов и генерал М. Н. Леонтьев. В письме содержался призыв к союзникам предотвратить дальнейшее проникновение немцев в глубь России. Признавая, что широкие массы населения России «дезориентированы», авторы письма заверяли главу французского правительства, что те в России, кто «способен свободно мыслить», остаются верными Антанте и с нетерпением ждут от нее помощи в борьбе против общего врага [Les archives diplomatiques du Ministère des Affaires étrangères (АМАЕ). 117СРСОМ. 205. Fol. 5–7]. Они считали, что интервенция должна начаться как можно скорее и без учета мнения «элементов... узурпировавших власть в России». Пишон считал, что подписавшие обращение деятели, считавшиеся либералами еще во времена царского режима, заслуживали полной симпатии со стороны французского правительства [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 78].

Оказавшиеся за границей представители российских левых сил тоже поддерживали идею интервенции. В начале июня декларацию относительно интервенции выпустила группа демократически настроенных деятелей. В ней союзников также призывали к немедленной интервенции для восстановления порядка, что было важно как с точки зрения достижения победы в войне, так и для «мировой демократии» в целом [АМАЕ. 117СРСОМ, 205. Fol. 53–54]. Первым в списке подписавших стояло имя известного политического деятеля И. Н. Ефремова, который обозначил свое положение как заместитель председателя созданной осенью 1916 г. Российской радикально-демократической партии, стремившейся объединить тех, кто был левее кадетов, но правее эсеров [2, с. 347]. Среди подписавших были и социал-демократы (меньшевики), и эсеры-оборонцы. По всей видимости, подписавшие обращение попытались продемонстрировать солидарность представителей всего спектра социалистических и демократических группировок. Созданное в начале июля в Берне отделение Союза возрождения России также первым делом обратилось к президенту Вильсону с призывом вмешаться в русские дела. Копию обращения передали в МИД

Франции [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 116]. Политикам вторили военные. В мае 1918 г. записку о возможной интервенции подготовил военный агент в Париже генерал А. А. Игнатъев [SHD/DAT. 4 N41]. В ней Игнатъев постарался обосновать срочную необходимость интервенции и предложил свой вариант плана действий. Аналогичную записку подготовил генерал Е. К. Миллер, ранее состоявший при Главной квартире итальянской армии [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 61–66].

Получать информацию непосредственно из России становилось все сложнее. После переезда в Вологду послу Франции Ж. Нулансу было очень трудно непосредственно контактировать с представителями российских политических групп и движений, и осуществлять такие контакты стал в основном консул в Москве Ф. Гренар. Он прибыл в Москву в марте 1918 г. как раз в то время, когда туда переезжало из Петрограда советское правительство. С этого времени Гренар начал напрямую общаться с руководителями различных политических группировок, изучать их мнение, в том числе — по вопросу о возможной интервенции [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 46–47]. Дополнительным источником информации для него становились сообщения, которыми через него обменивались русские политические деятели, находившиеся в России и за границей. Например, этим путем Союз (Лига) русских, верных Родине и союзам пыталась обратиться в июле 1918 г. к кадетам, эсерам и «народникам» (видимо имелась в виду партия народных социалистов) с призывом объединиться против «германизма, анархии и деспотии в России» [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 82].

Нуланс также получал информацию от Гренара. Будучи активным сторонником скорейшего начала интервенции, 9 июня Нуланс писал в Париж о том, что в России союзники смогут опереться на достаточно широкий круг сил. Он перечислил их следующим образом: организация Алексеева на Дону, Авксентьев и социалисты-революционеры, различные сильные объединения «народников и кадетов», и в конце концов — Трубецкой и Кривошеин [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 89]. В середине июня Нуланс сам ненадолго приехал в Москву, и после поездки в очередном сообщении в Париж заверял, что интервенция будет встречена

российским общественным мнением «с энтузиазмом», если позволит союзникам опередить немцев в деле восстановления порядка в России. У него сложилось впечатление, что популярность советской власти в народе значительно снизилась и любой толчок может привести к ее падению [АМАЕ. 117СРСОМ. 250. Fol. 139].

Приходившие от французского консула в Архангельске Эйбера известия также внушали оптимизм. 13 июня он сообщил сведения, полученные от прибывшего из Донбасса специального курьера. Согласно полученной информации, установленные немцами порядки привели к остановке промышленности, а изъятие в различных регионах Украины немцами продовольствия у населения грозило голодом. В этих условиях недовольство всех слоев населения значительно возросло, и союзническая интервенция в Сибири и на Севере России должна была произвести благоприятный эффект [АМАЕ. 117СРСОМ. 250. Fol. 126].

В Москве Гренар активно занимался выяснением настроений в русском обществе, имея широкий круг весьма доверительных контактов. В мае Нуланс, со ссылкой на полученную от Гренара информацию, даже сообщил в Париж секретные сведения о том, что Савинков и эсеры готовят к 10–15 июля выступление против большевиков на Волге. Гренар считал, что к этому времени различные политические партии будут готовы к активным действиям, но вряд ли будут их предпринимать без вооруженной поддержки союзников. [SHD/DAT. 4 N40]. В начале июня он встречался в Москве с представителем организации генерала Алексеева, которого также прежде всего интересовало, когда можно было ожидать начала интервенции. Неприятные вести о развитии контактов между генералом П. Н. Красновым и немцами компенсировались заверениями в непоколебимой верности Алексеевской организации союзникам [АМАЕ. 117СРСОМ. 20. Fol. 90]. В конце июня Гренар сообщил о разговоре с известным русским политическим деятелем П. Б. Струве, который в то время представлял антибольшевистский Национальный центр. По словам Гренара, Струве утверждал, что в последнее время в промышленных кругах произошел отчетливый поворот общественного мнения в пользу Антанты, что было вызвано как действиями немцев на Украине, так и более определен-

ной и решительной политикой союзников, прежде всего Франции, в борьбе с Германией. [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 154–155].

Особое внимание, по всей видимости, уделялось выяснению позиции правых политических групп, которых подозревали (и часто не без оснований) в прогерманских настроениях. Но и в этом случае полученная информация скорее обнадеживала. В начале июня Гренар передал в Париж сообщение от «политической группы князя Трубецкого», в котором также содержались заверения в верности союзникам и просьбы об оказании немедленной помощи в свержении большевиков [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 46–47]. Не вызывает сомнений, что речь шла о князе Г. Н. Трубецком. Незадолго до этого, в мае 1918 г. с одним из руководителей Правого центра А. В. Кривошеиным встретился еще один французский эмиссар Ф. де Шевийи (Шевильи). Не было секретом, что многие деятели Правого центра, к числу которых относился Кривошеин, стремились к сотрудничеству с Германией [3, с. 3]. Между тем, после встречи де Шевийи сообщил о том, что Кривошеин также надеялся на скорую интервенцию союзников, поскольку она помогла бы свергнуть власть большевиков и продемонстрировала бы решимость союзников продолжать борьбу с германской угрозой в России. Поддержку интервенции также выразил и патриарх Тихон, с которым де Шевийи также встретился примерно в это же время. Правда, оба собеседника высказывали сомнения в реальности их ожиданий, полагая, что немцы могут оказаться первыми, кто восстановит в России порядок. [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 108; 4, с. 200].

Отношение кадетов к интервенции стало известно на Кэ д'Орсэ из сообщения французского посла в США Ж. Жюссерана, полученном в начале июня. Жюссеран узнал от российского посла Б. А. Бахметева о полученном из Парижа для передачи президенту Вильсону документе, содержащем резолюцию относительно союзнической интервенции, принятую Центральным комитетом партии кадетов. Бахметев, по всей видимости, передал Жюссерану копию этого документа, поскольку французский посол смог не только сделать подробный обзор его содержания, но и привести довольно объемную цитату. Согласно этому документу, кадеты

поддерживали идею союзной интервенции, но предупреждали, что отношение русского общества к ней будет позитивным если компенсации, которые Япония и другие державы захотят получить, не окажутся связанными с ущемлением «неприкосновенных прав и интересов России», а сама интервенция будет проводиться под общесоюзным контролем. [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 92]. Правда, в июле Гренар сообщил из Москвы о полученных им из Киева сведениях о том, что председатель ЦК партии кадетов П. Н. Милюков занял прогерманскую позицию, но при этом Гренар был уверен, что большинство кадетов не одобряли поведение Милюкова [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 90]. Действительно, буквально через несколько дней пришло сообщение от Н. И. Астрова о том, что ЦК кадетской партии выступает резко против Милюкова, остается верным союзникам и ожидает от них скорейшей помощи [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 123].

Иногда сведения из России в Париж доходили довольно извилистыми путями. Например, телеграмма, подписанная генералом Д. Л. Хорватом и его соратником С. В. Востротиним, выступавшими от имени некоего собрания политических и общественных деятелей и содержавшая призыв к Антанте как можно скорее начать интервенцию, была отправлена из Харбина в Рим бывшему российскому посланнику М. Н. Гирсу, который передал ее содержание французскому послу, а уже тот отправил соответствующее сообщение в МИД Франции. [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 203–232].

На Кэ д'Орсэ использовали самые разные источники информации. Например, в дипломатическом архиве сохранилась достаточно длинная записка французского военного медика Ж. Коффмана, который прибыл в Россию летом 1917 г. и провел там около десяти месяцев. Записка была составлена для генерала А. Нисселя, который, по всей видимости, и передал копию в МИД. По словам Коффмана, он довольно близко успел познакомиться с политической жизнью в России и смог составить полное представление о сложившейся ситуации. Предрекая, как и многие другие, скорое падение советской власти, он считал, что значительная часть населения страны будет благодарна немцам, если они восстановят в России порядок, причем порядок старый, монархический. Вместе с тем, уверял он, боль-

шинство, хотя и сохраняет пассивность, все же остается верным русско-французскому союзу и «ждет только возможности доказать это» [АМАЕ. 117СРСОМ. 206. Fol. 94–103]. Подобного рода идеи высказывались многими. Например, Востротин писал из Харбина 29 июня: «медлительность союзников вызывает чувство безнадежности и укрепляет убеждение в том, что Россия может быть спасена только немцами» [АМАЕ. 117СРСОМ. 226. Fol. 112].

Вернувшийся в начале июня 1918 г. в Париж после шестимесячного пребывания в России подполковник А. Н. Панчулидзе, ранее служивший в военном представительстве России во Франции, еще находясь в Лондоне на пути во Францию, в мае того же года описал сложившуюся в России ситуацию в обширной записке, выдержки из которой также попали на Кэ д'Орсэ [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 161–169]. Панчулидзе писал о растущей усталости российского общества, причем не только среди тех, кто потерял свое состояние, но и среди рабочих. Крестьяне, по его словам, пока еще в большинстве своем не ощущали негативных последствий произошедших перемен, но неизбежное дальнейшее ухудшение общей экономической ситуации ближайшей осенью должно было вызвать рост недовольства и в крестьянской среде. Панчулидзе предостерегал от того, чтобы апеллировать к патриотизму или другим возвышенным чувствам большинства жителей России, поскольку за прошедший год все это было утеряно, и большинство людей думало только о выживании. Как и многие другие, Панчулидзе считал, что симпатии русских будут на стороне того, кто освободит Россию от большевизма и наведет порядок, а сделать это может только внешняя сила.

В МИД Франции попало также письмо от 7 июня находившегося в Стокгольме известного российского журналиста и издателя В. Л. Бурцева М. А. Стаховичу, где тот также выражал полную поддержку интервенции и, заявляя, что он стоит вне всяких партий, выражал готовность поддержать интервенцию публикуя антигерманские и антибольшевистские материалы в европейской и американской прессе [АМАЕ. 117СРСОМ. 205. Fol. 79].

Подводя итог, можно отметить, что сведения, собранные внешнеполитическим ведомством Франции, позволяли сформировать

довольно позитивную картину отношения широкого спектра российских политических группировок к будущей интервенции Антанты, кроме, конечно же, большевиков. Даже отмечавшиеся в полученных некоторых материалах прогерманские настроения связывались скорее с представлениями о более вероятном скором вмешательстве немцев и об их способности быстро навести порядок. Наиболее проблемным моментом в организации интервенции, отмечавшимся в сообщениях из России, было участие в интервенции Японии, которую могли подозревать в корыстных захватнических планах. Но и в данном случае у французского правительства на основе полученной информации могло сложиться убеждение о том, что эту проблему можно было решить приданием интервенции ярко выраженного характера межсоюзнического предприятия. Насколько верны были все эти представления сказать трудно, однако при невозможности получения более детальной и полной информации, у правительства Франции действительно могло сложиться убеждение, что интервенция будет воспринята позитивно большинством российских политических группировок.

Список литературы

1. Голдин В. И. Север России на пути к Гражданской войне: Попытки реформ. Революции. Международная интервенция. 1900 — лето 1918. Архангельск: САФУ, 2018. 619 с.
2. Талеров П. И., Гусман Л. Ю. Демократические реформы без насилия: радикальные демократы об альтернативном пути развития России // Вестник Русской христианской гуманитарной академии. 2018. Том 19. Выпуск 4. С. 343–354.
3. Можаяева Л. А. Партии и организации антибольшевистского лагеря // Новый исторический вестник. 2000, № 1. С. 1–11.
4. Hogenhuis A. François de Chevilly, aventurier, banquier et diplomate // Россия и Франция XVII — XX века. Выпуск 13. М., Весь мир. 2020. С. 173–209.

Andrey Pavlov,
Ph D., Saint-Petersburg State University

A FRENCH VIEW OF RUSSIAN SOCIETY'S PERCEPTION OF THE FUTURE INTERVENTION IN THE SUMMER OF 1918

In the spring and early summer of 1918, the Entente countries actively discussed the issue of a possible military intervention in Russia, directed against both Germany and the Bolshevik government. French government's vision of various non-Bolshevik Russian political groups' perceptions of this plan had some influence on decision-making. The author attempts to answer the question how this vision was formed and what it could consist of.

Keywords. Foreign military intervention, "Russian" policy of France, Russian Civil War.